

НЕЛЕГКО пришлось ему, когда он посмотрел в глаза своей совести. Он не был участником прямых преступлений, лишь где-то кривил душой, не признавая себе, что идет на очередной компромисс. Он предпочитал не думать об этом, забыть, как постепенно забыл и свое прошлое.

А в прошлом у него было что вспомнить. «В юности он работал в левой газете. Не в самой левой, но левой. И даже писал в нее из республиканской Испании. Во время войны он летал радистом на бомбардировщике. Его сбили над Германией». Он попал в плен вместе с тремя чудесными парнями из его экипажа. Это они, трое, пожертвовав своей жизнью, спасли всех остальных пленных из фашистского концлагеря. Правда, он хотел быть с ними — четвертым. Он говорил им, что ему будет «совестно» жить, зная, какой ценой куплена свобода. Они не взяли его с собой. Они завещали ему жизнь.

А он? Он бежал из плена, преисполненный самых лучших намерений, вернулся на родину. Но родиной его была страна империализма. Жить честно и одновременно жить легко оказалось там невозможным. Корыстный и злобный мир, где безудержная страсть к наживе диктует законы бытия, где ложь торжествует над правдой, ставил свои преграды.

Вот тогда-то и начались компромиссы. Стремясь к буржуазному благополучию, он захотел остаться лояльным в глазах властей. И он остался «лояльным» ценою далеко не безобидных сделок с собственной совестью: результатом явилась карьера преуспевающего журналиста.

Но он хотел остаться честным и в своих глазах и не раз трусливо прятался от самого себя. На его пути встречались бесстрашные и смелые борцы с несправедливостью окружающего мира... Но ведь они были борцами! А он стремился быть самым «обыкновенным» человеком.

Все бы, наверное, и дальше шло так же, если бы случай не поставил его перед выбором, который исключал возможность всякого компромисса. У него в руках оказались секрет-

ные данные. Обнародование их может предотвратить военную катастрофу, которую готовят те самые власти, в чьи глаза он по-прежнему хотел остаться лояльным. Конечно, карьера его пойдет прахом, благополучие рухнет... И в то же время он слишком хорошо понимал, что принесет всем людям на земле современную войну.

Вопрос стоял так, что именно он, «средний», «обыкновенный» человек, оказывался ответственным за судьбу целого мира. От этой ответственности уйти было невозможно.

И тогда впервые он позволил себе предстать перед судом своей совести. А совестью его были люди, спасшие ему жизнь там, в лагере, три мужественных, честных парня. Разговор с ними, умершими, шел по большому человеческому счету: суд совести не признавал «смягчающих вину обстоятельств».

Он должен был твердо решить, сумеет ли заплатить долг свой за жизнь, сумеет ли встать в ряд тех, троих — четвертым...

«Четвертый» — так и называется новая пьеса Константина Симонова, поставленная недавно Большим драматическим театром имени Горького. Действие ее сосредоточено на внутренней жизни героя, который, по замыслу автора, всего лишь полчаса остается наедине с самим собой. По существу, это психологическая новелла в драматической форме, своеобразная монологическая пьеса одного героя. В ней нет прямого развития, нет считавшегося таким обязательным для театра открытого столкновения характеров.

Герой разговаривает с самим собой. И только. Что может быть более противоположным драматической сцене с точки зрения старой поэтики?

И в то же время пьеса Симонова дает новые возможности театру. По своим жанровым признакам она близка тем откровенно публицистическим пьесам, которыми за последнее время значительно пополнился репертуар наших театров: «Такой любви» Ко-

ПОЛЧАСА НАЕДИНЕ С САМИМ СОБОЙ

СПЕКТАКЛЬ «ЧЕТВЕРТЫЙ» НА СЦЕНЕ БДТ им. ГОРЬКОГО

гоута, пьесам Миллера и Блажека, «Иркутской истории» Арбузова и другим. Такие произведения принято называть «условными», но условность их — одна из многих разновидностей сценического реализма, вступившего в новую, более сложную фазу своего развития.

«Вопрос о войне и мире был и остается самым жгучим вопросом современности, волнующим все человечество», — говорится в материалах XXII съезда КПСС. И, пожалуй, еще никогда судьба всей нашей планеты не зависела настолько от воли и разума каждого отдельного человека, живущего на любом из ее континентов.

Раскрытие темы ответственности человека «на том, другом континенте», где даже самый пассивный протест против войны считается преступлением, за мирную жизнь на земле требовало углубленного психологизма, проникновенного и всестороннего анализа человеческих помыслов и поступков. Условные средства давали возможность «материализовать» мысли героя, донести их до зрителя в особенно действенной и впечатляющей форме. При этом в пьесе Симонова приемы, знакомые уже по другим пьесам условного жанра, осмыслены по-новому: обычный в них суд над героем превратился здесь в суд героя над самим собой. Тем самым усилился, психологически углубился драматический конфликт. Заимствованные у кинематографа наплывы — воспоминания, очень характерные для таких пьес (и, отметим, далеко не всегда органичные в театральных решениях), заменились непосредственным участием в основном действии персонажей, о которых вспоминает главный герой.

Режиссуре спектакля Большого драматического театра — руководителем постановки Г. Товстоногов, ре-

жиссер Р. Агамирзян — удалось с несомненной полнотой и строгой лаконичностью воплотить замысел драматурга, смягчить и очеловечить открытую декларативность пьесы. Острополитическая тема пьесы стала еще более обобщенной, типической. И в то же время в постановке конкретизировано место действия. Если события пьесы развиваются в какой-то безымянной заокеанской стране, в спектакле дается прямой намек, что они происходят в Америке.

Огромная полупустая сцена с темным помостом посередине, и в самой глубине ее — маленькая фигура человека на ярком темно-синем фоне — таков поначалу зрительный облик спектакля, как бы символизирующий общечеловеческое значение решаемых в нем проблем. Но вскоре абстрактный фон заменяется обобщенным образом большого города с громадами небоскребов и крикливыми рекламными. Человек теперь — уже в центре сцены. Все действие режиссура сосредоточивает на раскрытии интенсивной мысли героя, словно выскобленной от давящей власти холодных, роскошных небоскребов. Скупые, но точные детали здесь придают общечеловеческой идее спектакля — об ответственности людей за их поступки — конкретный социальный смысл.

Обобщенное в спектакле неразрывно связано с конкретным, условная символика общего решения — с реалистической трактовкой характеров героев.

Спектакль получился очень цельным. Оформление В. Степанова, музыка М. Табачникова, игра актеров настолько органичны в своей строгой и напряженной простоте, что их перестает ощущать отдельно.

Кое-что в спектакле кажется инородным. (Таковы проскальзывающие порой ноты мелодраматизма в ис-

полнении И. Кондратьевой женщины, которую любил герой, чуждые общей простоте актерского исполнения; такова чисто иллюстративная мимическая сцена в баре аэропорта, отсутствующая в пьесе и ничего не добавляющая к развитию сценического действия; таков ставший традиционным выход участников спектакля после его окончания «по рангам» — от главных к неглавным и затем к самым главным, он выглядит фальшивым доведением, ненужной данью заштампованному (приему). Но все это — мелочи, лишь досадные мелочи, ничего не определяющие в гармоничном решении всего спектакля.

Условные приемы театра подчинились в нем жизненной правде психологического конфликта. Режиссура так сумела построить мизансцены, что на всем протяжении спектакля создается ощущение разговора человека с самим собой, в то время как он разговаривает с другими — теми, кого он вызывает в своей памяти.

Появление их лишено какой бы то ни было необычной эффектности или таинственной мистики. Человек обращается к своим умершим друзьям, пытается разобраться в собственных чувствах. Друзья приходят к нему, приходят такие, каких он запомнил, каких он знал. И через то, какими увидел он их, многое раскрывается в нем самом.

И пусть в исполнении В. Стрельчика (по-своему интересном) основной персонаж, как нам кажется, мельче симоновского героя, — характер его в спектакле дополняется и усиливается другими образами.

Нет, не до конца он потерял свою совесть, если вызывает к таким славным и честным ребятам, как неподкупный, бескомпромиссный и простодушный Второй пилот (В. Кузнецов), как вдумчивый, сосредоточенный, до конца верный друзьям Штурман (В. Рыжухин), и особенно — великодушный, правдолюбивый, все понимающий, ничего не прощающий и бес-

конечно человеческий Первый пилот (Г. Гай).

Нет, не до конца очерствела его душа, если он на всю жизнь запомнил такого мягкого, деликатного, чуть экспансивного и непримиримого итальянца Гвиччарди (С. Юрский), погибшего среди демонстрантов, требующих мира. Если сумел представить себе, каким безнадежно обреченным и опустошенным мог бы стать Бонар (П. Луспекаев), когда бы понял всю меру подлости дела, которому он служил. Тот самый смелый и мужественный, а ныне спившийся Бонар, продавший себя «иностранному легиону» и получивший пулю в спину от своего же командира — бывшего эсэсовца Курта.

Нет, не до конца растерял он чувство человеческого достоинства, если с такой неприязнью вспомнил сытую безцеремонность своей недалекой, развязной, вульгарной жены (Н. Ольхина), из-за богатства которой он оставил другую — любимую. Если с такой беспощадной отчетливостью и ироническим сарказмом увидел брата второй жены Чарльза (К. Лавров) — самонадеянного, мелкого и самодовольного тупицу, которому он обязан был своим восхождением по лестнице журналистской карьеры.

И поэтому, когда в финале герой приходит к выводу — он будет четвертым, вывод этот подготовлен всем ходом действия спектакля.

Спектакль «Четвертый» был показан Большим драматическим театром в дни XXII съезда партии. Нельзя не порадоваться за театр, сумевший выпустить в октябрь две новые работы, посвященные съезду: остросовременный спектакль «Океан» в постановке Г. Товстоногова и — «Четвертый».

В дни выпуска «Четвертого» партия принимала грандиозную Программу, несущую человеку счастье, призывающую его к высокому нравственному совершенствованию, проинзанную ненавистью к войне и ее поджигателям. И очень хорошо, что именно в эти дни на ленинградской сцене появился такой политически острый спектакль, исполненный гуманизма, утверждающий гордую чистоту человеческих принципов.

К. КУЛИКОВА

Ленинградская газета
1961, 15 ноября